

ЗАСЛОН

Литрес

Билет в неизвестность

Где хранится ключ
к полсознанию?

Алексей Шевцов

Алексей Шевцов

Билет в неизвестность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69253840

SelfPub; 2023

Аннотация

Возможно ли получить доступ к своему подсознанию и управлять им наравне с сознанием? Современная наука, безусловно, даст на этот вопрос ответ, который может превзойти самые смелые ожидания. Как, впрочем, и иметь разрушительные последствия...

Алексей Шевцов

Билет в неизвестность

* * *

Я вздрогнул и проснулся.

То есть мне показалось, что я вздрогнул, но, на самом деле, этого не произошло. Я сомневаюсь, что вокруг вообще что-то происходит. Потому что я ничего не чувствую. В этом месте царят крошечная тьма и звенящая тишина. А ещё я не чувствую своего тела – ни рук, ни ног... Ничего...

Я словно плыву по невидимым волнам, не различая направлений. Даже гравитация, как будто бы, на меня не действует. Словно у меня нет тела?

А что же тогда меня разбудило? Или я все ещё сплю? Не бывает ведь так, чтобы сознание было отдельно от тела.

– Ау! Есть здесь кто? – попытался сказать я, но не смог.

Что за ерунда? Однозначно, я все ещё сплю. Или... умер?
Я призрак?

Так, попробуем разобраться, как я здесь очутился. Что было до того, как я проснулся? Что? А ничего! Просто темнота.

Так нужно что-то попроще... Имя! Меня зовут... Меня зовут... Я даже имени своего не могу вспомнить! Я знаю про гравитацию и призраков, но не знаю ничего про себя. Очень мило!

Удивительно, но при всей творящейся вокруг чертовщине я не испытываю ни малейшего страха. Как будто каждый день просыпаюсь в пустоте и без памяти.

Нужно просто подождать – возможно, я проснусь. Или хотя бы смогу что-нибудь почувствовать...

* * *

Летняя улица была полна жизни. Ослепляющее и ласковое утреннее солнце, сочно-зелёная трава, ярко-синее небо – все вокруг как будто издевалось над ним.

Артём медленно брёл по аллее, пытаясь переварить свалившуюся на него новость. Всего одну, но какую... И теперь душа была пуста, а всё его сознание занимала лишь одна мысль.

– Дядь, а пните мяч! – мальчишка лет десяти указал на тротуар перед Артёмом, вырвав его из горьких размышлений.

– Какой я тебе «дядь»... – проворчал парень, подтолкнув мяч в сторону мальчика. – Мне ещё даже тридцати нет!

Паренёк, пробормотав невнятное «спасибо», вернулся в компанию таких же, как и он, беспечных ребят, отдыхающих в разгар каникул.

А Артём, проводив его грустным взглядом, неспешно двинулся дальше. Шум машин и гомон вокруг ясно давал понять, что мир не остановился и продолжает свой размеренный бег по спирали времени.

«Это неправильно! Это несправедливо!» – подумал парень. Пустота в душе постепенно заполнялась яростью. «Почему я? Почему? Хотя бы пару лет ещё!»

– ...мне очень жаль, Артём, но диагноз подтвердился, – утром, после слов лечащего врача в телефонной трубке, мир парня рухнул в глубокую пропасть. – Лечение на данной стадии будет очень болезненным и, скорее всего, не принесёт желаемого результата. Мне очень жаль!

Артём не смог ничего ответить. Возможно, доктор, сообщаящий такие новости по несколько раз в день, вовсе не жалел, а лишь проявлял вежливость. А, может быть, и в самом деле, сожалел. Как бы то ни было, поправить уже ничего нельзя.

– Сколько времени у меня есть? – Артём не узнал свой голос, глухой и хриплый.

– Я думаю, месяцев девять-десять. Возможно, год. Все будет зависеть от того, насколько стоек Ваш организм. Я жду Вас завтра в полдень для проведения дополнительных анализов.

– Вы же сказали, что лечение бесполезно, – в сердце парня появилась секундная надежда.

– Не бесполезно, Артём Александрович, но... – на том конце провода на секунду повисла пауза. – В любом случае, нам нужно определить поддерживающее лечение. Так мы можем попробовать выкроить ещё несколько месяцев и облегчить течение...

Сказав, что он будет вовремя и попросившись, парень опустился на диван.

Он совсем не помнил, как собрался, как вышел на улицу и как оказался на аллее. Артём привычным маршрутом просто брел в сторону своей любимой лаборатории лучшего научно-технического центра страны АО «Заслон».

Так прошло, по меньшей мере, два часа, прежде, чем Артём осознал, что его трагедия никоим образом не должна сказаться на его рабочем проекте.

– У меня ещё целых девять месяцев, а, может, даже больше. Я успею закончить работу!

* * *

Небольшой ажиотаж в лаборатории напомнил Артёму, опоздавшему почти на полдня, о том, что сегодняшней день должен поставить точку в финансировании их проекта. Он заглянул в кабинет руководителя, Станислава Сергеевича. Доктор медицинских наук, объяснял концепцию их проекта какому-то важному гостю – по-видимому, члену совета директоров.

– ... живляется в гипоталамус, подключаясь ещё к нескольким отделам. В итоге, имея доступ к подсознанию, чип работает в качестве активатора лимбической зоны. Благодаря этому увеличивается выработка тестостерона, эстрогена, мелатонина и многих других гормонов, избыток которых замедляет старение, ускоряет регенерацию, а также уве-

личивает скорость восприятия информации. По сути, чип является проводником между сознанием и подсознанием, и, если человек, действительно, будет хотеть каких-то изменений в организме, они будут проходить гораздо быстрее и качественнее.

Станислав Сергеевич перевёл взгляд на Артёма. Его глаза сказали гораздо больше, чем обычные слова, из-за чего парень невольно почувствовал укол совести. Он прикрыл дверь и прислонился к стене. За дверью вновь раздался голос руководителя:

– Если сравнить мозг человека со смартфоном, то можно провести аналогию сознания и подсознания с меню пользователя и инженерным меню. В состоянии бодрствования мы используем сознание для обработки информации, а подсознание работает отдельно от нас, даже во сне. Особенно, во сне! Мы используем сознание для решения повседневных задач. А подсознание, к которому у нас нет доступа, работает без перерыва и управляет всеми процессами, происходящими в организме. Кроме того, подсознание является «жестким диском», к которому у нас, к сожалению, нет свободного и лёгкого доступа. Чтобы работать с подсознанием, нужны права администратора. Чип даёт эти права и позволяет достигнуть того, что раньше считалось невозможным... Нам нужно всего два года и финансовая поддержка в размере...

Артём подпрыгнул на месте. Два года... Два года? Два года?! Не может быть! Они завершили испытания над шим-

панзе неделю назад. Даже вечеринку закатали – всё прошло более, чем успешно. Можно начинать испытания на фокус-группе. Да, эффект молодости не проверить за полгода, но ведь скорость восприятия и повышение скорости регенерации можно проверить за несколько месяцев!

Артём плюнул и направился в свой кабинет. Станислав Сергеевич всё равно вызовет его на разговор. Поэтому нет смысла караулить его у двери. Парень попытался сосредоточиться на работе, но выходило плохо. Буквы и числа разбежались перед глазами, как и мысли в голове. Нужно что-то придумать, что-то придумать, что-то придумать...

* * *

Прошло уже несколько минут, как я очнулся. Или, может быть, несколько часов? Не понятно, как исчислять время, где его, судя по всему, нет. Я стал различать какой-то шум, словно кто-то недалеко от меня что-то бормотал. Но говорить сам я до сих пор не могу. Как и видеть... Как и чувствовать что-то, кроме этого бормотания.

Но слух, судя по всему, начал возвращаться. Только вот не разобрать ничего, как я не пытаюсь вслушаться.

Что ж, подождём ещё. Видимо, через какое-то время я смогу что-то понять в этом невнятном бормотании и узнать побольше о том, что со мной происходит.

* * *

– Здравствуй, Артём, – Станислав Сергеевич жестом пригласил парня сесть напротив него. – На тебя не похоже. Что-то стряслось?

– Станислав Сергеевич! – Артём будто не слышал вопрос руководителя. – Два года – это же так много! Мы можем успеть за полгода, а за девять месяцев...

– Стоп! – руководитель посмотрел на Артёма так, что тот, несмотря на кипевшее в нём негодование, понял, что лучше помолчать. – Во-первых, мне не очень нравится, что ты подслушиваешь чужие разговоры.

Артём вздрогнул, но не подал вида, что смущен.

– Во-вторых, – продолжил Станислав Сергеевич. – Мы только что завершили большую работу с шимпанзе, нам нужно получить разрешение Комитета, собрать фокус-группу... Артём, что стряслось?

Артём на секунду задумался, стоит ли говорить про болезнь, как его вдруг поразила удивительно безрассудная, но в то же время, обнадеживающая идея.

– Я хочу быть испытуемым в нашем эксперименте!

Станислава Сергеевича нелегко было вывести из состояния внешнего спокойствия, его вид никогда не показывал, что происходит в его голове. Но Артёму это удалось.

– Ты... Что? – Станислав Сергеевич даже привстал с кресла. – Ты в своём уме? Даже если бы это было разрешено контрактом, я не могу рисковать кем бы то ни было из сотрудников. Тем более таким образом! Ты не...

– У меня рак, Станислав Сергеевич, – тихо сказал Артём. – Четвертая стадия. Уже не вылечить.

Этих слов хватило, чтобы доктор медицинских наук опустил обратно в кресло. Понадобилось несколько секунд, чтобы на его лицо вернулось спокойствие.

– Вот те раз, – проговорил он очень тихо. – Ты... Вот почему... Сколько времени?

– Не... не больше года, – Артём не ожидал, что так сложно будет обсуждать это с руководителем. – Я очень хочу закончить этот проект, я прошу Вас – дайте мне шанс!

– Мне так жаль, Артём, – Станислав Сергеевич смотрел в глаза парня, который за четыре года работы стал ему почти как сын. – Это точный диагноз?

– Да, я сдал кучу анализов. И ещё буду сдавать...

– Чёрт! – Станислав Сергеевич ударил кулаком по столу, заставив парня вздрогнуть. Такого на памяти Артёма не случилось ни разу.

На несколько мгновений в кабинете снова воцарилась тишина.

– Станислав Сергеевич, я понимаю, что не вправе просить этого, но, может, всё-таки есть возможность сделать меня участником эксперимента? В фокус-группе ведь должен быть онкологический больной. Пусть им буду я!

Станислав Сергеевич хмуро посмотрел на своего сотрудника, руководителя группы информационных технологий.

– Не всё так просто, Артём. Здесь очень много подводных

камней, как этических, так и юридических... Это не просто шаг в пустоту! Это... это билет в неизвестность, пойми!

– Но ведь можно же что-то придумать? Свой билет в неизвестность я уже получил... Осталось определить время отправления. Да и какая теперь разница, как я уйду через полгода? А так – я, возможно, и не уйду. Обещаю продолжать работать у Вас, если... эээ... когда всё получится!

В глазах руководителя Артём увидел внутреннюю борьбу и муку, которые были вызваны явно не переживанием от потери хорошего сотрудника.

– Ладно, – наконец, сказал Станислав Сергеевич. – Я попробую что-нибудь придумать. Через месяц вернемся к нашему разговору. С тебя к этому времени подготовка Александра. Надеюсь, что тебя не придётся замещать...

* * *

Я всё так же плыву в тёмной тишине, сопровождаемой невнятным бормотанием. Можно было бы назвать это безмятежностью, но почему у меня такое ощущение, будто я здесь чужой?

Ощущение... Можно ли сказать, что я что-то почувствовал? Вряд ли. Скорее, это то, с чем я ушёл в небытие. Негативные эмоции всегда сильнее положительных, поэтому это ощущение до сих пор присутствует в моей голове. Голове, которую я не чувствую.

В любом случае, это какая-никакая зацепка. Думаем даль-

ше и вслушиваемся в бормотание.

* * *

Лабораторная операционная ослепляла белым цветом и ослепительной чистотой. Вероятно, здесь было чище и светлее, чем в операционных лучших больниц города. Ещё бы – здесь довольно часто совершались открытия, которые спасли жизнь не одной тысяче людей.

Прошло почти четыре месяца со дня, когда Артём узнал о своём неизлечимом недуге. Месяц назад Станислав Сергеевич обрадовал парня:

– Артём, Этический комитет и Совет директоров одобрили тебя. Даже не знаю, радоваться или огорчаться.

– Радоваться, Станислав Сергеевич! Спасибо. Спасибо большое!

– В любом случае, судя по твоим анализам, это, действительно, правильное решение.

– Моим анализам? Откуда у Вас...

– Артём, – руководитель невесело усмехнулся. – Неужели, ты думаешь, что я решусь потерять одного из лучших сотрудников, не проверив всё самостоятельно?

– Спасибо, Станислав Сергеевич, – только и смог проговорить тогда Артём.

И вот, теперь он полулежит-полусидит в операционном кресле с обритой головой, напичканный успокоительными, облепленный датчиками и проводами с головы до ног, гото-

вый принять наркоз. Все сомнения, которые, было, появились при виде операционной, ушли. То ли дело в успокоительных, то ли в твёрдой уверенности, что это единственное правильное решение в сложившейся ситуации. Кроме того, как бы ни был важен проект для Артёма, это, на самом деле, был его единственный шанс жить дальше.

– Артём Александрович, – анестезиолог Ефим Абрамович суетился возле кресла, проверяя показатели мониторов и перебирая пузырьки на столике рядом. – Через две минуты будет введён наркоз, и мы с Вами встретимся снова примерно через шестнадцать часов.

– Хорошо, Ефим Аб... Абрамович, – язык уже плохо слушался, а тело налилось приятной сонной тяжестью.

– Отлично, отлично! – возле соседнего столика стоял Станислав Сергеевич в полном облачении хирурга и рассматривал инструменты.

Будучи одним из лучших нейрохирургов страны и имея за плечами почти тридцатилетнюю практику, Станислав Сергеевич согласился стать руководителем проекта «Энтропия», уже многие годы разрабатываемым в АО «Заслон».

Многие работы доктора медицинских наук были посвящены процессу старения человека и способам его замедления. Команда нейрохирурга смогла разработать идею микрочипа, который с помощью настраиваемого программного обеспечения может оптимизировать любой процесс в организме человека. Чип должен работать от энергии электриче-

ских импульсов, вырабатываемых нервной системой живого организма. Он сам подстраивается под их силу и скорость и настраивает свою работу под каждый конкретный организм.

Станислав Сергеевич решил вести эту операцию и этого пациента (он предпочитал называть испытуемых пациентами) самостоятельно. И дело не только в том, что Артём станет первым человеком, в мозг которого будет внедрён чип, связывающий сознание и подсознание. За несколько лет совместной работы Станислав Сергеевич, действительно, привязался к талантливому парню. И пусть Артём был специалистом в информационных технологиях, он чертовски похож на него самого в молодости.

– У нас есть минутка, Артём, – с уверенностью в голосе сказал Станислав Сергеевич. – И начинаем! Хочешь что-нибудь сказать перед тем, как мы совершим еще один научный прорыв нашей лаборатории?

– Спасибо... Станислав Сергеевич, – Артём уже с трудом соображал, где он находится, и практически перестал чувствовать своё тело. – Когда я очнусь... расскажете, как ЦСКА... сыграли?..

– Обязательно, Артём, – Станислав Сергеевич кивнул анестезиологу, и тот открыл катетер капельницы.

Мир в глазах Артёма помутнел, он попытался сказать ещё что-нибудь, но у него не вышло. Сознание пыталось ухватиться за реальность, но выходило из рук вон плохо.

– Считай вместе со мной, Артём. Пять... Четыре... – на-

чал отчёт Ефим Абрамович. – Три...

В этот момент темнота полностью поглотила Артёма, и его сознание закачалось на волнах беспомыслия. Сон был крепким и продлился гораздо меньше шестнадцати часов...

* * *

Бормотание стало тише, а темнота гуще. Если это, конечно, возможно. Интересно, а как я это понял? Или я начал сходить с ума? Но появился ещё один звук – как будто где-то рядом фонит неисправный динамик. Просто небольшой мягкий звуковой фон.

Обычно такой раздражает – хотя, откуда мне знать? – но мне, наоборот, как будто уютно и сонно. На самом деле, это довольно странно – я уже попытался уснуть, но, к сожалению, мой разум не хочет отключиться даже на пару секунд...

* * *

– Два... Артём? – Ефим Абрамович сверился с показателями мониторов. – Так-с, испытуемый уснул.

Он переключил капельницу на миорелаксанты, попутно проверяя реакцию мышц Артёма.

– А теперь обезболивающие, – пробормотал анестезиолог спустя минуту и ввел новую жидкость в вену парня.

Затем он сделал несколько инъекций в кожу головы в месте трепанации и, подождав несколько минут, наблюдая за мониторами, обратился к нейрохирургу.

– Можно приступать, Станислав.

– Отлично! – нарочито бодрым голосом сказал Станислав Сергеевич. – Костя, давай! Лена, не стой!

Ассистент Костя, который и сам был нейрохирургом, а параллельно – учеником Станислава Сергеевича, и медсестра Лена, до этого орудовавшие на подкатном столике, раскладывая необходимые инструменты, придвинули его к креслу.

– Вся операция должна занять четыре с половиной часа, – зачем-то сказал Станислав Сергеевич, хотя все итак это знали. – Костя запускай систему.

Костя уже был у монитора нейронавигации и настраивал его, согласно инструкции. В нём Станислав Сергеевич увидит максимально подходящее место для трепанации.

Спустя десять минут наблюдения он отметил в мониторе место вскрытия между макушкой и лбом. Система с помощью лазера тут же спроецировала несколько точек на кожу головы Артёма.

– Есть, – аккуратно, словно нехотя, Станислав Сергеевич повернулся к Артёму. – Ну, давайте...

* * *

Темнота... Темнота... Темнота...

Но что это? Как будто едва различимая мысль на краю сознания. Похоже на смазанный образ, который я не вижу, но воспроизвожу в своей памяти. Словно только проснулся и пытаюсь поймать в сознании сон, который только что снился.

Нет, нет! Не уходи! Постой!..

Темнота...

* * *

На монитор системы нейронавигации было выведено изображение прямоугольного выреза в черепе Артёма. Со-
всем маленький, размером не больше сим-карты для старых
телефонов, он должен был вместить в себя современную раз-
работку команды профессионалов АО «Заслон» – чип, кото-
рый должен стать источником практически вечной молодод-
сти для сотрудников спецподразделений госслужб, а в пер-
спективе – для всех жителей Земли. И экспериментальный
чип чуть меньше удаленного костного лоскута на одиннадца-
ти нанопроводниковых ножках длиной около десяти санти-
метров, почти не заметных в ярком свете операционной, но
очень крепких и упругих, должен был вот-вот занять своё
место, чтобы вылечить неизлечимого больного и совершить
прорыв в современной науке.

В действительности, до сегодняшнего дня все операции на
мозге проводились на пациентах, находящихся в сознании.
Но для синхронизации чипа с мозговыми волнами Артёма
необходимо было практически полное отключение мозговой
активности. Нестандартная операция требовала нестандарт-
ных решений.

Станислав Сергеевич кивнул Косте, и тот подкатил к крес-
лу, в котором лежал Артём, роботизированную механизми-

рованную «руку», похожую на те, которые используют космонавты для работы в открытом космосе, только гораздо меньше и гораздо более точную. Она-то и должна завершить непростой процесс внедрения чипа в мозг парня, ведь точности самой твёрдой человеческой руки не хватит, чтобы соблюсти точность в десятую долю нанометра.

Эта «рука» стала одним из первых достижений Артёма, и именно благодаря ей стала возможна такая сложная операция.

– Голова пациента закреплена? – Станислав Сергеевич знал, что крепление установлено в строгом соответствии с разработанным им же регламентом, но этот же регламент требовал окончательной проверки.

– Есть! – Костя, наклонившись к Артёму ещё раз убедился в надёжности крепления.

– Лена, проверь помощника, – ещё одна команда, медсестре.

Лена нажала кнопку, выждала несколько секунд и проверила ручное управление с помощью сенсорной панели. «Рука», повинаясь пульту управления, дёрнулась в стороны и замерла.

– Готово, Станислав Сергеевич!

Нейрохирург осмотрел рабочее место – голова пациента, небольшой пьедестал с чипом и механическая «рука» с интерактивным монитором. Всё готово. Станислав Сергеевич задержал дыхание и нажал кнопку «Пуск» на сенсорном дис-

плее.

«Рука» медленно направила свои «пальцы» к чипу и через несколько секунда захватила его с точностью, превышающей хирургическую и ювелирную, вместе взятые.

Все, затаив дыхание, следили за тем, как механический помощник, схватил чип и направил его к вырезу в черепе Артёма. Осталось всего несколько сантиметров, когда проводники чипа войдут в его мозг.

– Ах... – Лена не выдержала и прижала руку ко рту, когда тончайшие ножки коснулись мозга и стали медленно погружаться в плоть.

– Чшшш... – машинально поднял палец вверх Станислав Сергеевич, не сводя взгляда с «руки». – Что за...

Механический помощник вдруг замер, как будто наткнулся на препятствие и больше не двигался...

* * *

Так, это что-то новое. Мне показалось, что темнота заволновалась и словно морская гладь, пошла волнами. Я почувствовал... почувствовал дискомфорт. Ха! Дискомфорт он почувствовал, когда не чувствует своего тела.

Это что же, сарказм? Я и на такое способен в своём состоянии? Хотя кто ж мне запретит высмеивать самого себя? Кем бы я ни был. Это ведь состояние разума, верно?

Дискомфорт, бормотание, звуковой фон, смутные образы, обрывочные знания и сарказм – всё, что я имею на текущий

момент. Но для начала уже и это очень даже неплохо.

* * *

– Нет... Нет-нет-нет... – Станислав Сергеевич топнул ногой, листая информацию на интерактивном мониторе. – Что-то не ладится, этого не может быть. Только если сбой в «руке»...

Станислав Сергеевич сохранил прогресс и нажал на «Стоп». Механический помощник разжал «пальцы», выпуская чип, и двинулся, повинувшись движению джойстика, которым управлял Станислав Сергеевич.

– И что... – начала, было, говорить Лена, но Костя взял её за руку и покачал головой. Он нечасто видел своего учителя потерявшим над собой контроль, но таким он был впервые. И Костя точно знал, что не стоит отвлекать нейрохирурга от своих мыслей.

– Показатели в норме, – подал голос Ефим Абрамович. – Станислав Сергеевич, точно говорю, дело не в испытуемом.

– Что за чёрт! – Станислав Сергеевич обошел вокруг кресла Артёма, всматриваясь то в него, то в оборудование, то за чем-то в свои руки.

– Состояние стабильное, показатели без изменения, – спустя тридцать секунд вновь напомнил анестезиолог.

– Техника сюда! – объявил по громкой связи Станислав Сергеевич. – Напоминаю о строгом соблюдении стерильности.

Не прошло и минуты, как пневматическая дверь опера-

ционной с шипением сдвинулась в сторону, и вошёл Александр – тот самый техник, которого несколько месяцев готовил Артём, как своего приемника.

Испуганный взгляд на Артёма, лежавшего в кресле, ясно говорил, что парень чувствует себя не в своей тарелке. Но стоило ему подойти к монитору управления «рукой», как весь испуг ушёл, уступив место решительности.

– Что случилось, Станислав Сергеевич? – спросил Александр, пролистывая журнал работы помощника.

– Он просто остановился, не введя чип до конца, – голос нейрохирурга снова был спокоен, и лишь небольшая испарина, выступившая на лбу, выдавала его волнение.

– Понятно, – пробормотал Александр, продолжая изучать журнал.

– Непонятно, – а это он сказал спустя несколько минут изучения и проверки работы помощника. – Этого не может быть – никаких ошибок, никаких смещений, все должно работать.

– Должно, но не работает, – сталь в голосе Станислава Сергеевича заставила вздрогнуть Лену и напрячься Костю. – Ты же всё выверил! Почему не работает?

Лицо Александра осталось непоколебимым.

– Станислав Сергеевич, если Вы сейчас запустите алгоритм снова, всё будет работать, как швейцарские часы. Лучше запустить через режим отладки.

– Сейчас посмотрим, – Станислав Сергеевич запустил ре-

зервный протокол работы «руки».

Помощник начал работу, аккуратно придвинулся к чипу, захватил его и... снова замер.

– Как швейцарские часы? – Станислав Сергеевич окончательно взял себя в руки.

– Я... я... не понимаю, – Александр в растерянности переводил взгляд с Артёма на «руку», затем на монитор и снова на Артёма. – Это не ошибка, я Вам точно говорю!

– Потом будем разбираться, – Станислав Сергеевич аккуратно опустил руку на джойстик. – Я сам завершу работу...

* * *

Интересно, а космонавт в невесомости испытывает такие же чувства? Да нет, вряд ли. Он ведь чувствует своё тело. Он только не чувствует вес. Но дискомфорт, вероятно, тоже присутствует.

И почему, чёрт возьми, я помню всякую чепуху, но не знаю, как меня зовут? Какая-то форма амнезии? Возможно... Но куда пропали все чувства? Ещё и бормотание вместе с тем непонятным фоном, которые я слышал, куда-то исчезло.

Я уже довольно долго бодрствую, а никаких изменений больше нет. Или недолго? Я и чувство времени потерял. Если в моей ситуации вообще применимо это слово.

Как почувствовать своё тело, если нет чувств? Как что-то слышать в тишине и увидеть во тьме? Так, действительно,

можно сойти с ума.

Остаётся только плыть по волнам разума, кроме которого у меня ничего не осталось, пытаюсь хоть что-то вспомнить или понять, рассмотреть смутные образы. В надежде на то, что моё существование обретёт какой-нибудь смысл.

* * *

Четыре специалиста, профессионала своего дела, в прямом смысле затаив дыхание, следили, как один из лучших нейрохирургов страны выполняет уникальную и единственную в своём роде операцию, обещавшую стать величайшим прорывом человечества.

Станислав Сергеевич аккуратно, но твёрдо надавил на сенсорную панель управления, и чип медленно продолжил своё погружение в мозг одного из его сотрудников, за состояние которого он переживал больше, чем за результаты эксперимента.

Время как будто остановилось, каждый миллиметр погружения чипа казался километром пути, пройденного под палящим зноем пустыни без единой капли воды. Никто из присутствующих не осмеливался нарушить тишину. Лишь мониторы состояния Артёма каждую секунду подавали размеренные сигналы о состоянии пациента, а Ефим Абрамович, словно коршун за добычей, следил за их показаниями.

Резкий писк нарушил тишину операционной, возвещая о нарушении работы мозга Артёма.

– Резкое падение... – Ефим Абрамович не успел ничего толком сказать, как писк прекратился, а показатели вновь стали нормальными.

– Готово! – Станислав Сергеевич нажал кнопку «Стоп» на мониторе помощника. – Ефим Абрамович, как состояние?

– Всё... стабильно, – ответ анестезиолога содержал оттенок удивления. – В первый раз такое вижу...

– А раньше таких операций и не проводили, – ответил нейрохирург и подошёл к мониторам. – Всё в порядке.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на дрожащие руки.

– Костя, не окажешь честь? – Станислав Сергеевич кивнул на голову Артёма.

– Конечно, Станислав Сергеевич! – Костя понял всё без лишних слов.

Уже через час Лена отвезла кушетку Артёма в блок интенсивной терапии, и только лишь швы под повязкой на коже парня напоминали о сложнейшей операции.

* * *

Бормотание неожиданно возобновилось. На этот раз оно было гораздо громче, но всё такое же невнятное.

Но теперь я могу разобрать интонацию! Да, точно! Кто-то очень чему-то рад. Словно огромная тяжесть упала с плеч. Похоже на то, что когда ты чего-то боишься, но самые страшные опасения не подтвердились. Или нет... Когда чудесным образом излечился от страшной болезни.

Стоп! Я смог это разобрать из этого невнятного бормотания? Нет. Я это... чувствую? Я это чувствую! Чертовщина? Чертовщина.

Я не могу ничего почувствовать или понять, зато я чувствую чужие эмоции! Причём очень ярко. Так бывает? Кто же я такой?

* * *

Артём не мог понять, где он находится. Он прекрасно помнил вчерашний день, когда ему сообщили о страшном диагнозе. Помнил, как пришёл на работу. Помнил свой разговор с руководителем. А дальше – пустота. Что было дальше, и как он здесь оказался?

Что-то на краю сознания кольнуло его разум. Он помнил, как плыл в пустоте, помнил, как плохо ему было, помнил, как не мог понять, кто он такой...

– Вот оно что, – попытался сказать он, но вместо этого вырвалось лишь невнятное мычание из-под кислородной маски.

Тело, которое он уже чувствовал, отказывалось выполнять команды мозга. Наркоз всё ещё был в организме, голова кружилась, а во рту было сухо, словно в пустыне. И тут...

Воспоминания нахлынули с такой силой, словно его окатили ледяной водой из брандспойта. Он вспомнил последние четыре месяца.

Через два месяца после разговора со Станиславом Серге-

евичем состояние Артёма стало гораздо хуже. Болезнь, поразившая всего один орган, отравляла весь организм. Станислав Сергеевич поднял все связи, чтобы успеть провести эксперимент до того, как последствия станут необратимыми. И вот, спустя ещё два месяца всё произошло.

С огромным трудом, как будто на нём лежала вся тяжесть этого мира, Артём смог поднять руку и потрогать голову. Повязка дала понять ему, что операция позади. Теперь оставалось понять, как всё прошло.

– Артём, Вы очнулись! – Лена, зашедшая в палату, тут же достала телефон и набрала номер. – На четыре часа раньше, чем планировалось! – и добавила уже в трубку. – Станислав Сергеевич, Артём пришёл в себя!

Она подошла к парню и положила руку ему на плечо.

– Артём, ты лежи, пожалуйста. Сейчас подойдёт Станислав Сергеевич.

«Как будто у меня есть выбор», – подумал Артём, но вслух смог только прошептать:

– Воды...

– Пока нельзя, к сожалению, – Лена проверила показания мониторов и склонилась для записей в журнале. – Ты пока на инфузии. Ощущение жажды скоро пройдёт.

Дверь палаты распахнулась и в неё быстрым шагом вошёл Станислав Сергеевич в сопровождении Ефима Абрамовича. Анестезиолог начал светить в глаза Артёма фонариком, а нейрохирург подошёл к изголовью кушетки и так же, как и

Лена пару минут назад, положил руку парню на плечо.

– Ну, с возвращением, приятель, – сказал он. – Ты довольно быстро очнулся...

– Артём, пошевели пальцами на руках и ногах, – Ефим Абрамович выключил фонарик.

Парень не без труда, но смог выполнить просьбу. Станислав Сергеевич довольно улыбнулся.

– Что скажешь, Ефим Абрамович?

– Всё в пределах нормы. Я бы даже сказал, всё лучше, чем должно быть...

– Отлично! Артём, сегодня отдохнёшь. Лена за тобой присматривает. А завтра начнём анализы.

Ефим Абрамович задал ещё несколько рядовых вопросов для проверки психического состояния парня. Артём ответил, понимая, что с каждым словом, речь даётся ему всё легче.

Спустя десять минут врачи направились к выходу. У двери Станислав Сергеевич обернулся и с лёгкой улыбкой сказал:

– Рад, что ты очнулся, Артём... И кстати! ЦСКА выиграла – два-ноль.

* * *

– ...тём! Ты... меня... Арт...

Бормотание приобретает форму и, похоже, кто-то кого-то зовёт.

– Артём...

Артём? Это моё имя?

– Арт... м, ты сл... шь меня?

Как будто плохая мобильная связь. Ну же, давайте, говорите! Я слышу, слышу!

И вдруг – словно укол – я что-то почувствовал. Как будто меня коснулись чем-то холодным...

Чёрт возьми, а ведь я почувствовал свою руку, которой, действительно кто-то коснулся.

И в этот миг меня будто прижало к земле, и, кроме того, я почувствовал, что я не могу дышать. Да, я хотел почувствовать хоть что-нибудь, но всё же сейчас бы я согласился вернуться в то состояние парения в темноте.

Чувство давления нарастает в геометрической прогрессии. Ещё чуть-чуть – и меня просто расплющит. Дышать становится всё труднее.

Как мне плохо... Помогите! Кто-нибудь... Пожалуйста, помогите...

* * *

Артём проснулся бодрым и отдохнувшим, словно меньше суток назад его череп не был вскрыт. Более того, он чувствовал себя гораздо лучше, чем в последние два месяца. Да что там говорить – лучше, чем когда-либо в жизни.

Он встал на кушетке, что вызвало недовольный окрик Тани, медсестры, сменившей на дежурстве Лену:

– Артём, Вам нельзя вставать! Вы же только что перенесли операцию!

– Татьяна, я чувствую себя прекрасно! – Артём с удивлением смотрел на свои руки, словно видел их впервые.

– Сейчас придёт Станислав Сергеевич, – медсестра уже написала в чат о пробуждении парня. – Пока лучше прилечь.

– Но...

– Никаких «но»! Живо на кушетку!

Артём с недовольным лицом улёгся обратно. Несмотря на раздражение, он понимал, что Таня права, нужно оставаться в полном покое, пока Станислав Сергеевич и его команда специалистов не проведёт полный анализ.

Спустя десять минут Артём пожалел, что не захотел остаться в покое ещё хотя бы на полчаса. Потому что Станислав Сергеевич развил бурную деятельность по проверке всех функций и систем организма своего пациента.

Все возможные анализы, кроме тех, для которых требовался образец тканей, были отобраны в течение часа. Затем была произведена магнитно-резонансная томография, энцефалограмма головного мозга, электрокардиограммы, проверки зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата и ещё куча разнообразных исследований. Назначение и название многих процедур Артём даже не знал. Он даже не знал, что существуют такие процедуры.

Несколько раз Станислав Сергеевич прерывал процесс, пытаясь дать Артёму отдохнуть. Но каждый раз парень воз-

мущённо требовал продолжать, ссылаясь на то, что всё в порядке. И ведь не врал – все показатели были в норме, словно он просто отдыхал.

Спустя пять часов почти непрерывных исследований Станислав Сергеевич выгнал всех из палаты интенсивной терапии и сел рядом с Артёмом.

– Ну, ты как? – спросил он.

– Никогда лучше себя не чувствовал, Станислав Сергеевич! – Артём улыбнулся. – Работает же, работает?

– Пока рано говорить. Полный отчёт будет готов через неделю. Но уже по имеющимся данным можно предположить, что всё даже лучше, чем мы думали.

– Насколько лучше? – растерянно спросил Артём.

– Метастазы уменьшаются.

– Не... не может... – Артём не мог поверить в услышанное.

– Может, Артём, – Станислав Сергеевич улыбался. – Я предполагал такой результат, но не думал, что он наступит так быстро. Понимаешь, в организме человека постоянно образуются раковые клетки, которые иммунитет успеваает уничтожить. При этом механизм их образования схож с регенерацией тканей. Просто они получаются, скажем так, «бракованными». Иммунитет в данном случае балансирует между тем, чтобы уничтожить вредные клетки и позволить образовываться нормальным. То есть если оставить процесс образования клеток неконтролируемым, человек может очень

быстро заживлять раны, вплоть до регенерации конечностей. Но, увы, в этом случае, он, скорее всего, умрёт от множества образовавшихся злокачественных опухолей. Наш чип помогает направлять данный процесс в правильное русло, тем самым уничтожая только вредные клетки и не препятствуя образованию нужных.

– Я, на самом деле, излечусь? – глядя в стену перед собой, спросил Артём. – Это правда?

– Не буду скрывать, Артём, – лицо нейрохирурга приобрело серьёзное выражение. – Когда всё идёт слишком хорошо – это тоже не очень. Но всё-таки я думаю, что мы на верном пути.

– Я Вам верю, Станислав Сергеевич, – Артём потрогал повязку на голове. И, помолчав, спросил. – Не расскажете, как прошла операция?

Станислав Сергеевич вздрогнул. Он уже успел забыть, как всё пошло не по плану. Нейрохирург вкратце описал процесс вживления чипа, сомневаясь, говорить ли про инцидент.

– Но...

– Были проблемы? – спокойно спросил Артём.

– В последний момент «рука» отказалась работать в автоматическом режиме. Мне пришлось завершить операцию самостоятельно.

– Как это? – обескураженный Артём во все глаза глядел на руководителя. – Это же невозможно!

– Подумай об этом, когда будешь смотреться в зеркало, –

усмехнулся Станислав Сергеевич. – Там увидишь доказательство того, что возможно, а что – нет.

– Я Ваш должник на всю жизнь, Станислав Сергеевич, – Артём покачал головой. – Спасибо Вам за всё!

– Мы с тобой ещё не закончили, – нейрохирург подмигнул парню. – Всё, отдыхай. У нас с тобой ещё не меньше недели интенсивного обследования, а потом месяцы наблюдений...

* * *

Резкий писк мониторов вывел Лену из раздумий.

– Что за хрень? – медсестра подпрыгнула на месте, и, нажав кнопку тревоги, бросилась в палату Артёма.

Она вбежала в палату и увидела удручающую картину – Артём, прислонившись спиной к стене, сидел на полу, глаза уставились в пустоту, а изо рта тонкой струйкой стекала слюна.

Девушка произнесла несколько слов, не идущих её милой внешности, и бросилась к парню.

К тому моменту, когда подоспели два дежуривших врача, она проверила дыхание и пульс Артёма. Всё было в порядке, никаких отклонений.

Станислав Сергеевич, пришедший в палату через пять минут после начала тревоги, застал медсестру и двух врачей, склонившихся над лежащим в постели Артёмом. Их взгляды были полны смятения и недоумения.

– Что здесь? – резко спросил нейрохирург.

– Станислав Сергеевич, судя по показателям, всё... в порядке, – ответил один из врачей. – Он отключил мониторы и упал. Или упал, и мониторы отключились... В любом случае, теперь они показывают, что отклонений нет. За исключением того, что Артём без сознания.

Станислав Сергеевич изучил показания мониторов, прощупал пульс на руке.

– Живо сюда ЭЭГ!

Шёл шестой день после проведения операции по вживлению чипа.

* * *

– Артём, ты меня слышишь?

Станислав Сергеевич с озабоченным видом склонился над парнем.

Десять минут назад медсестра вызвала его по внутренней связи. Артём, пролежавший в коме одиннадцать дней, попытался что-то сказать и пошевелил рукой.

– Артём, ты слышишь меня? – повторил нейрохирург.

Веки парня задрожали, он попытался открыть глаза, но не смог.

– Вижу, что слышишь, – Станислав Сергеевич накрыл своей ладонью руку парня. – Пока лежи, через полчаса я проверю тебя.

* * *

Давление стало невыносимым.

На миг мне, действительно, показалось, что я не могу дышать. Хотя не уверен дышу ли я, на самом деле.

И вдруг всё прекратилось. Как будто не было ничего. Но было, было – я уверен! Но исчезнувшее давление – не единственное изменение, которое я почувствовал.

Наконец-то темнота начала рассеиваться, как будто наступили предрассветные сумерки. Невнятное бормотание, сопровождавшее меня практически непрерывно, давно стихло. Остался лишь мягкий звуковой фон. Но вновь появился образ, который я чуть было не поймал в прошлый раз. А потом ещё. И ещё... И каждый раз он ускользал от меня в последний момент.

А ещё я понял, что, действительно, дышу. Я чувствую, как воздух, проходя через гортань и трахею в бронхи, попадает в лёгкие, через капилляры насыщает кровь, омывающую альвеолы, кислородом.

Я чувствую, как насыщенная кислородом кровь под давлением, создаваемым сердцем, направляется к нему по лёгочным венам, а дальше – к органам, которые нуждаются в кислороде в данный момент. И я знаю, каким из них кислород нужнее.

Я почувствовал свои руки и ноги, ведь кровь сейчас стремится к ним, потому что они давно не двигались и нуждаются в кислородной «встряске».

А ещё я чувствую, что могу управлять потоком крови в

своём теле. Я чувствую каждый эритроцит и лейкоцит, клетку своего организма. Я чувствую, что могу управлять любой из них. Заставить её делиться или умереть. Или заставить кровь перенести стволовую клетку от костного мозга в любую точку своего тела для воссоздания необходимой копии.

Или отредактировать ДНК...

Я чувствую абсолютно всё внутри себя. Но я ничего не могу почувствовать извне...

* * *

На кровати в палате интенсивной терапии, которая стала для него домом на последние четыре недели, лежит молодой человек, перенёсший единственную в своём роде масштабную операцию на головном мозге. В перспективе эта операция должна обеспечить замедление старения, ускорение регенерации, а также увеличить скорость восприятия информации, поступающей из внешнего мира.

Но что-то пошло не так, и вот уже двадцать два дня молодой человек находится в пограничном состоянии между комой и жизнью. Так не бывает с обычными людьми, но он теперь, скорее, не совсем обычный.

Рядом с ним, всматриваясь в показатели исследовательских мониторов, с напряжённым лицом сидит пожилой нейрохирург с осунувшимся лицом и недельной щетиной на щеках.

– Артём! – Станислав Сергеевич вновь, как и раньше, по-

ложил руку на плечо парня. – Ты должен меня услышать!
Услышь меня!..

* * *

Кого я должен услышать? Я уже очень давно слышу, но не могу выбраться из этих сумерек, которые укрывают меня уже десять дней двадцать часов и семь минут. Я чувствую абсолютно всё, я чувствую, как течет время, чёрт возьми!

Но я не могу ничего увидеть, не могу никуда пойти, не могу говорить...

Но что-то изменилось сегодня. Сумерки стали светлее, а звуки чётче.

Я верю, я знаю, что смогу!

Я знаю, что могу практически всё!

* * *

Артём с видимым трудом открыл глаза.

– Артём! – Станислав Сергеевич встал со стула и склонился над парнем. – Ты смог! Смог!

Молодой человек слабо улыбнулся. Нейрохирург едва разобрал слова:

– Я теперь могу всё...

* * *

Артём ничего не чувствовал. Абсолютно ничего. Вокруг него царил крошечная тьма и звенящая тишина. А ещё он

не чувствовал своего тела – ни рук, ни ног, ни других частей.

Он словно плыл по невидимым волнам, не различая направлений. Даже гравитация, как будто бы, на него не действовала.

Он абсолютно точно помнил, что его зовут Артём, и что он смертельно болен.

Но сейчас это было и не важно. Какая разница, что ты болен, если ты ничего не чувствуешь? Возможно, это и есть смерть?

Удивительно, но при всей творящейся вокруг чертовщине Артём не испытывал ни малейшего страха. Словно каждый день просыпался в пустоте, без чувств. Парень уже давно был готов к любому исходу событий. Всё, что с ним произошло за последние месяцы, убедило его в главном – он никогда не остановится ни перед какими трудностями, пока жив его разум.

А сейчас нужно просто подождать – возможно, он проснётся, или хотя бы сможет что-нибудь почувствовать.

* * *

– Я теперь могу всё... – это были мои первые слова, когда я пришёл в себя.

Первые слова в моей жизни.

Теперь я знаю, кто я. Я знаю, что я могу. Я знаю, кто этот пожилой человек рядом со мной.

Я знаю и могу всё, что знал и мог Артём.

Ведь вся его память, как умственная, так и мышечная, теперь доступна мне. А ещё мне доступна моя память, та, которую в меня заложили мои разработчики, участники проекта «Энтропия», сотрудники лучшего и крупнейшего научно-технического центра России АО «Заслон», для внедрения в мозг живого человека.

Как это непросто – управлять человеческим телом и процессами, протекающими в организме. Но имея суперкомпьютер в виде человеческого мозга, я знаю, что смогу сделать это без проблем.

А ещё я твердо знаю, что никогда не остановлюсь ни перед какими трудностями, пока жив мой разум.

И если для этого нужно быть Артёмом – что ж, так тому и быть...

Апрель-май 2023 г.